

Особенности функционирования глаголов в пейзажных описаниях переводов с русского на татарский язык (на материале рассказов А. П. Чехова)

Различна функциональная роль пейзажа в творчестве того или иного писателя; различно и то значение, которое приобретает пейзаж в структуре произведения. Нужно отметить, что круг деятельности пейзажа в литературе необычайно широк:

пейзаж с дидактической или нравоучительной направленностью является своего рода усилителем авторского голоса, получающего или обличающего;

благодаря пейзажу психологическому сложный и изменчивый мир души человека становится особенно осязаемым;

пейзаж дает возможность увидеть нравственную сторону поступков героев, убедить в достоверности переживаний героя, а иногда картины природы могут быть прямо противопоставлены поступкам и мыслям героев произведения.

К сожалению, приходится констатировать, что такая актуальная и концептуальная тема, обозначенная нами, на материале переводных текстов (в частности, с русского на татарский язык) предметом специального исследования не становилась. Данная статья посвящена анализу перевода с русского на татарский язык таких произведений А.П. Чехова, как «Дом с мезонином», «Учитель словесности», «Человек в футляре», которые были объединены в сборник «Избранные произведения А. П. Чехова», 1951 г. Татарскими же вариантами этих произведений являются переводы из сборника «Күңелсез тормыш», том I, 1958 г. Как известно, переводчиками чеховских произведений с русского на татарский язык выступили такие известные мастера татарского слова, как М.Амир, С.Адхамова, И.Гази, К.Басыров, Г.Бикбулат, Ш. Маннур, Ф.Хусни и др.

Переводные тексты рассказов А.П. Чехова передают с достаточной точностью оригинальные, в которых русский писатель проявил себя как один из самых тонких изобретателей в описании русской природы. И разные авторы-переводчики татарских переводов стараются сохранить видение А.П. Чехова и своеобразие его национальных реалистических пейзажных зарисовок. Переводчики постарались отразить особенности русской ментальности, имеющей место в пейзажных описаниях.

В произведениях А.П. Чехова пейзажные описания не только не тормозят действие, а напротив, сообщают ему большее напряжение и остроту благодаря широкому использованию глагольной лексики, которая отличается большим семантическим разнообразием. Наше исследование позволило нам еще раз убедиться в том, что глаголы как слова, выражающие процесс и имеющие многочисленные форм и богатое содержание как в русском, так и в татарском языках, играют важную роль в построении фраз с описанием природных мгновений.

Известно, что в татарском языке глагол обладает теми же категориями, за исключением категории рода и вида. При переводе видовые значения русских глаголов, тем не менее, не остаются незамеченными создателями текста перевода. Структурные отличия двух разносистемных языков обуславливают специфику, отражающуюся на всех языковых уровнях (морфологическом, синтаксическом), передачи языковыми формами «пейзажных значений».

Глагольные формы, за исключением инфинитива, причастия и деепричастия, в русском и татарском языках употребляются в предложении как простое сказуемое, например: *«Был седьмой час вечера – время когда белая акация и сирень пахнут так сильно, что, кажется, воздух и сами деревья **стынут от своего запаха**»* («Учитель словесности») - *«Кичке сэгать жиденче иде. Бу вакытта ак акация белән сирень исе шул хәтле көчле аңкый, һава һәм агачлар үзләренең исләреннән*

үзләре таңга калганнардыр шикелле тоела» («Әдәбият укытучысы» - пер. Г. Бикбулата) - в этом случае, автор прибегает к олицетворению, тем самым отождествляя природу с человеком, то есть синтаксические средства передачи переводчик дополняет еще и другими выразительными возможностями татарского языка.

Если в русском языке «*стынут*» есть простое глагольное сказуемое, то в синтаксической квалификации в татарском языке заметны некоторые расхождения: «*таңга калганнар*» является цельным словосочетанием, так как отдельно друг от друга эти два слова меняют свое лексическое значение, поэтому их принято рассматривать как составное глагольное сказуемое (тезмә фигыль).

Также немаловажную роль в восприятии читателем оттенков состояний природы играют запахи: благодаря им мы понимаем, перед читателем – полдень – время суток, когда природа не только жаждет, но требует отдыха, ей хочется обо всем забыть, бросить все и отдохнуть, и в этом ее желание совпадает с желанием главного героя, который устал от будничной жизни, от бытовых проблем. Его неугомонная душа просит отдыха, раскрывая психологическое состояние с помощью пейзажа, автор делает упор на то, что человек и природа всегда были слиты воедино, и рассматривать их отдельно друг от друга невозможно.

Нужно отметить, что при переводе текстов некоторые затруднения вызывают особые формы глагола: причастия. Они, как известно, в русском и в татарском языках в целом по своим функциям похожи. Причастия настоящего времени русского языка, образованные посредством суффиксов *-ущ, -ющ, -ащ, -ящ*; и причастия настоящего времени татарского языка образуются присоединением к основе глагола аффикса *-учы, -уче*, а также аффикса *-а, -ә*; и вспомогательного глагола *-торган*. Например, («*Солнце уже пряталось, и на цветущей ржи растянулись вечерние тени*» («Дом с мезонином») - «*Кояш инде баеп бара, серкә очыра*

торган арыш кыры өстенә кичке күләгәләр сузылган («Мезонинлы йорт» пер. К. Басырова); *«Над домами прозрачное голубое небо, птицы, а далеко-далеко, за зелеными садами и домами, просторная, бесконечная даль с синеющими рощами, с дымком от бегущего поезда...»* («Учитель словесности») - *«Йортлар өстендә зәңгәр күк, күктә кошлар, ә еракта-еракта, яшелбакчалардан һәм йортлардан да арырак, күгелжәм урман, чабып бара торган поездан чыккан төтен һәм очсыз – кырыйсыз киңлек күренә...»* («Әдәбият укытучысы» пер. Г. Бикбулата).

«Цветущая рожь» и перевод на татарский язык «*серкә очыра торган арыш кыры*», такие языковые конструкции создают ощущение непосредственной живой картины перед глазами читателя, так называемое «активное действие», характерное для действительного залога настоящего времени причастий, что и позволяет более глубокому и полному раскрытию конкретного эпизода пейзажной картины (состояния окружающей среды).

В этом примере в причастии «*цветущая рожь*» ярко выражено преобладание прилагательного признака над глагольным: а в татарском наоборот, глагольные признаки преобладают над прилагательными: «*очыра торган*». Соответственно смысловое ударение со слов «*растянулись вечерние тени*» перешло в татарском варианте на «*очыра торган арыш кыры*», и из-за перехода акцента внимания читателя получаем: в русском языке пейзаж динамичный, перетекающий, плавный; в татарском же он статичный, фотографический.

Обратим внимание: А. П. Чехов описывает нам раннее утро – время пробуждения природы, зарождение нового дня, новой жизни («*еще с раннего утра*»), но переводчик в своем тексте вовсе не использует слово «*раннее*», тем самым, делая время повествования размытым (от рассвета до обеда).

В словосочетаниях «дымком от бегущего поезда» - «поездан чыккан төтен» нарушено количественное описание. В русском - «дымок» благодаря суффиксу **-ок** приобретает едва видный, почти рассеявшийся в воздухе дым, в татарском же языке – только что вылезший из трубы, темный, смолистый. Переводчик не охватил всю картину, он взял лишь частичные детали «поезд» и «трубу», А. П. Чехов писал, видимо, о дыме прошедшего поезда – тем самым, расширяя пейзажную зарисовку.

Исходя из анализа мы видим, что причастия в русском языке на *-ущ* - *ющ*; *-ащ* *-ящ*; и причастия в татарском языке на *-учы* *-үче*; *-а торган* не всегда употребляются одинаково. Дело в том, что в русском языке причастия выступают нейтральными по отношению к тому, чем являются раскрываемые ими слова: названиями лиц или названиями предметов.

Причастия же татарского языка на *-а торган* относятся к лицам и предметам, а причастия с аффиксами *-учы* *-үче* употребляется, как правило, лишь по отношению к названиям лиц.

Что же касается причастий прошедшего времени русского языка, образованных с помощью суффиксов *-виш* *-иш*; *-енн*; *-нн*; *-т*; в татарском же языке – образованные посредством аффиксов *-ган* *-гән*; *-кан* *-кән*; по значениям и функциям в основном соответствуют друг другу. Например: «обвалив**и**шаяся изгородь» - «*жәмерелгән койма*»; «заходив**и**шее солнце» - «*батып бара торган кояш*»; «Когда в лунную ночь видишь сельскую улицу с ее избами, усну**в**шими ивами, то на душе становится тихо...» («Человек в футляре») - «*Айлы кичләрдә авыл урамнарын, урамнардагы өйләрне, йокыга чумган талларны күргәч, жәңың рәхәтләнеп китә...*» («Футлярдагы кеше» пер. С. Адхамовой). Слова «ночь», «тихо» позволяют нам прочувствовать, что нарушена передача пейзажа, т.к. дословно они переводятся как «*төн*», «*тыныч*».

Словосочетание «*йокыга чумган*» передает ощущение, что сон, как туман, надвигается медленно, но безостановочно. Сон в татарском

варианте гиперболизирован, ему уделяется большое внимание и накладывается более емкая смысловая нагрузка.

Прилагательные и причастия в свою очередь, реализуя свои вторичные семантические функций, вступают в необычные сочетания с существительными и создают яркие пейзажные зарисовки. Лексическая сочетаемость в этом случае носит нестандартный (оказиональный) характер. Например, переводчик подбирает прилагательное «*тирэн*», характеризуя степень проявления звука в словосочетании «*тирэн йокы*». С именами, обозначающими звук, это прилагательное обычно не сочетается. И автор (т.е. переводчик), вопреки сложившемуся словоупотреблению, акцентирует переосмысленное значение, добавляя еще одно определение «*тирэн йокыга чумган таллар*», создавая тем самым олицетворение, выражающее звук, прибегая к так называемой аллитерации. Для переводов в целом характерно стремление к компрессии в выражениях и все же точное соответствие тексту подлинника.

В заключение, относительно особенностей функционирования глагольных форм в языке оригинала и в языке перевода, можем констатировать следующее: глагольные формы в обоих языках принимают самое непосредственное участие в экспликации пейзажных картин, при этом благодаря глагольной лексеме описание природы приобретает не только статичный характер, но и оттенок динамизма, действия-движения. Говоря по-иному, глаголы, описывая пейзажные картины, создают ощущение динамизма, открытости животрепещущей природы, способствуют воспринимать природу не только как нечто неживое, как рисунок или мгновение, а как живой организм, частью которого является и сам читатель. Включенность читателей в пейзажные рисунки достигается и в языке оригинала, и в языке перевода.

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что языковые единицы в составе чеховских описаний и их переводах

регулярно подвергаются семантическим переосмыслениям в соответствии со стилистическими задачами самого автора. Сравнительно-сопоставительный анализ перевода и оригинального текста выявил многочисленные случаи семантических и грамматических трансформаций, которые неизбежны в любом художественном переводе. В современной теории перевода уделяется большое внимание описанию лексических соответствий оригинального и переводного текстов, но что касается лексем, связанных с описанием пейзажа, исследований, к сожалению, пока еще в специальной переводческой литературе нет.

Безусловно, использованные для анализа татарские переводы рассказов А. П. Чехова являются высокохудожественными и одновременно достаточно адекватными по отношению к оригинальным русским текстам. Авторы переводов стремятся к подбору наиболее точных татарских эквивалентов русской глагольной (чеховской) лексики. При этом дословный, буквальный перевод, как правило, не всегда представлен в татарских переводных вариантах, переводчики стремятся максимально использовать собственные средства татарского языка для передачи тончайших оттенков состояния природы, которое сумел описать гений русской прозы А.П. Чехов.

Использованная литература

1. Байрамова Л. К. Введение в контрастивную лингвистику. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1994.
2. Валиуллина З. М. Сопоставительная грамматика русского и татарского языков. – Казань, 1967.
3. Салимова Д. А. Система частей речи русского и татарского языков. – Казань, - 2000. – 232 с.
4. Семанова М. Л. Чехов – художник. - М.; «Просвещение», 1976.
5. Шарыпова Н. Х. Культура русской речи у татар. – Москва: Наука, 1989.
6. Юсупов Р. А. Вопросы перевода, сопоставительной типологии и культуры речи. – Казань: Татарское книжное издательство, 2005.